

Детский дом — это болезнь

Лекарства от этого недуга, кроме перевода в семейную форму жизнеустройства, нет. Общество и государство должны это понимать.

Клинический психолог Татьяна Морозова

Детский невролог
Святослав Довбня

Клинический психолог
Татьяна Морозова и
детский невролог
Святослав Довбня —
разработчики
образовательных программ
по раннему вмешательству
и вопросам психического
здоровья младенцев.
Сертифицированные
преподаватели программы
«Зрелое родительство»

(Mellow Parenting, Великобритания), члены Всемирной ассоциации психического здоровья младенцев, Международного общества раннего вмешательства, Европейского общества детской и подростковой психиатрии. В качестве консультантов и тренеров принимают участие в проектах, направленных на создание служб помощи семьям в России и странах ближнего зарубежья.

Брошенная Жириновским в разгар борьбы за пробивание «закона Димы Яковлева» фраза: «Миллионы детей мечтают жить в детском доме», похоже, станет государственной программой по претворению этой мечты в жизнь. На ее реализацию бюджет потратит очередные бешеные деньги: указ президент уже подписал. Проблемы сиротства в отечестве такой лицемерный подход только усугубит, но дать денег проще, чем системно заниматься устройством детей в приемные семьи. Какой жизненный прогноз ожидает детей, лишенных шанса быть усыновленными, и почему система детских домов патологична по определению, «Новой газете» рассказали эксперты.

— После истории с принятием «закона Димы Яковлева», запрещающего американцам усыновлять российских детей, вышел указ президента, направленный на улучшение жизни сирот, в том числе на усиленное финансирование детских домов и интернатов. Политики считают, что жизнь в хорошем детском доме может обеспечить благополучное детство. Это так?

Морозова: К сожалению, в России еще слишком устойчив такой стереотип: если дать ребенку еду, медицинское обслуживание и уход в детдоме, то можно сделать его детство вполне счастливым. Это категорически неверно. Несколько лет назад в Исландии все выпускники детских домов были приравнены по статусу к «узникам концлагеря». В 2010 году в Лейпциге прошел Всемирный конгресс по психическому здоровью детей. Там профессиональное сообщество пришло к мнению, что надо вывести как можно больше детей в семьи (приемные, семейные воспитательные группы, найти возможность опеки со стороны родственников или вернуть в кровные семьи).

— Почему профессиональное сообщество так решительно настроено против института детских домов?

Довбня: Дело в том, что нахождение ребенка в любом учреждении интернатного типа — такая же медицинская проблема, как дизентерия или грипп. Это болезнь, которую надо лечить. По МКБ-10 (международной классификации болезней, которой Россия пользуется последние 10 лет) она называется «отставание в развитии и эмоциональные нарушения, возникающее в результате дефицита индивидуальных отношений». У младших детей это состояние называют «нарушением привязанности».

Мы точно знаем, что основная биологическая потребность первых трех лет жизни человека — это свой индивидуальный взрослый, и абсолютно не важно, родил ли он этого ребенка или усыновил. Этот человек, находясь рядом с ребенком, постоянно сфокусирован на нем, подстраивается. Что значит подстраивается? Представьте, что кто-то любит кашу, а кто-то картошку, кто-то засыпает быстро, а кого-то надо укачивать. Взаимная «настройка» ребенка и взрослого и называется «формированием привязанности». Обрести такого близкого человека в детдоме ребенок не может по определению. А пока такого человека не будет, любые вливания — финансовые, материальные, — к сожалению, бессмысленны.

— Какие изменения происходят с детьми в детдомах?

М.: Исследования мозга, проведенные рядом международных исследовательских групп, показали, что очень специфическим образом центральная нервная система начинает подстраиваться под ту неестественную ситуацию, в которой находится ребенок. То есть постоянный стресс приводит к изменениям мозга, которые в первую очередь отвечают за понимание собственных эмоций и намерений других людей. И есть критический возраст, после которого изменения к лучшему не то чтобы невозможны, но требуют очень много времени, денег и усилий. Короче говоря, если в первые два года жизни ребенок из детдома не попадет в семью, то его реабилитация будет очень сложной.

— Как изменения мозга сказываются на развитии ребенка?

М.: Исследования, и российские, и зарубежные, показывают, что ребенок за месяц пребывания в подобном учреждении теряет один пункт IQ, а за год — 12. Ребенок с изначально нормальным интеллектом к определенному возрасту будет иметь проблемы с развитием, а если есть врожденное поражение головного мозга, то проблем с интеллектом прибавится еще больше. Своевременный перевод ребенка в семью приводит к тому, что показатели интеллектуального развития начинают выравниваться.

— С интеллектом понятно, а какие личностные изменения происходят в детдоме и могут ли они компенсироваться во взрослой жизни?

М.: Есть исследования, проведенные в Великобритании, США, которые отслеживают усыновленных детей на протяжении 20 лет. По их данным, 55,9% этих детей имеют то или иное нарушение психического здоровья, среди них: эмоциональные расстройства — 49,2%, нарушения поведения — 32,2%, синдром гиперактивности и дефицита внимания — 25,4%, депрессия — 8,5%, тревожные расстройства — 44,1%.

Многие из них уже во взрослом возрасте нуждаются в профессиональной поддержке — психологическом консультировании, работе, направленной на развитие способности общаться с людьми, на подавление агрессии. Личностные проблемы бывших детдомовцев таковы: они хуже устанавливают отношения, меньше доверяют другим людям, хуже понимают эмоции свои и других людей и хуже их контролируют. Откуда берется эта преступность детдомовская? Как выясняется, в преступники попадают личности не с патологическим желанием украсть или отъявленные подонки. Туда попадают люди, которые не могут себя остановить, когда разозлятся, — они не могут сказать о своих чувствах и поэтому сразу реагируют агрессивно. Люди, у которых не было никогда собственности — своей игрушки, своего носка, в конце концов, — не понимают концепцию чужой собственности и чаще воруют.

Д.: Они не понимают намерений других. Если к такому подойдет преступник и попросит постоять на «шухере», он это, не задумываясь, сделает. Все потом убегут, а он останется, потому что он не понимает социальной ситуации. У него на самом деле никогда не было ни выбора, ни понимания того, кому можно доверять, а кому — нет. Даже в группе он всегда в детдоме должен был слушаться старших, и этот старший всегда хороший. Откуда у него возьмется способность отличать хорошее от плохого?

Даже самый богатый дом ребенка, обладающий полным штатом сотрудников и логопедов, с потрясающими методиками и кабинетами, будет выпускать детей с такими нарушениями.

— А как такая ситуация сказывается на физическом развитии детей?

Д.: Есть вещи, которые очень трудно исправлять. Я, как врач, раньше предполагал, что у таких детей страдают в основном эмоциональная и познавательная сфера. Сейчас мы знаем, что ребенок, который растет без семьи, испытывает постоянный стресс. Это вызывает у него выделение специфических гормонов стресса. Один из них — кортизол — токсичен для клеток мозга. Стресс воздействует на три основных жизненно важных процесса: нарушается переваривание и усвоение пищи; снижаются сопротивляемость к инфекциям и способность к обучению. У этих детей притормаживаются механизмы роста, даже если они съедают пищи больше по объему, чем их сверстники из семей. И педиатрам иногда приходится детям, которые вышли из домов ребенка и попали в семью, назначать гормоны роста, чтобы они начали расти. Но что характерно: диагноз «нарушение привязанности» этим детям никогда не ставится, его заменяют множеством других. А если бы ставили верный диагноз, было бы понимание, что и помощь нужна другая.

М.: Еще у бывших детдомовцев быстрее запускаются механизмы старения. Выяснилось, что чем дольше ребенок находится в такой ситуации, тем в будущем он будет более подвержен специфическим заболеваниям — диабету, ожирению, проблемам с сердцем.

— Вы говорите о том, что ребенок живет в состоянии хронического стресса от отсутствия рядом близкого человека. Этот стресс возникает и у ребенка, который никогда не знал матери, от которого отказались в роддоме?

М.: Это так. Уже через несколько секунд после рождения малыш пытается искать человека, с которым он готов устанавливать отношения. Это врожденный механизм, необходимый для выживания. Исследования показали, что только что рожденные дети из всех других изображений выбирают лицо. То же происходит и со звуковыми стимулами — шум, треск, музыка его не интересуют. Он будет реагировать отчетливо на голос, обращенный к нему. Получается, что установить общение — это врожденная потребность.

Так как маленький человек сам выживать не может, то взрослый нужен для того, чтобы вовремя понимать потребности младенца. Если взрослого нет, ребенок вынужден с этим как-то сам справляться. Когда дети в домах ребенка устают или пытаются уснуть, они сосут палец и раскачиваются в кроватках, пытаются успокоить себя. Самое страшное бывает в доме ребенка. Подходишь к отказничку, берешь на руки, а он как бревнышко. Никак не реагирует, потому что к этому возрасту, к полугоду, он перестает реагировать на контакт, он уже устал надеяться, что кто-то возьмет его на руки и будет рядом. Он заблокировался. Он не доверяет. Некоторые дети вообще отказываются есть и погибают.

Д.: Надо, впрочем, учитывать, что статистика ничего не говорит про конкретного ребенка. Есть очень большая вариативность. К счастью, дети справляются, дети значительно более живучи, чем взрослые, но, когда мы говорим о госполитике, мы должны отдавать отчет, что у большинства детей будут проблемы, а обществу придется за это платить. Это как бывшие узники концлагеря: кто-то после освобождения быстро сгорел, а кто-то дожил до 90 и стал успешным человеком.

Мозг младенца чрезвычайно пластичен, и пластичен одинаково и к хорошему, и к плохому. Если мы хотим получить человека, который будет грабить не задумываясь, идти по команде не задумываясь, мы должны в раннем детстве его бить, не следовать его желаниям, командовать им...

— Ребенок в детдоме живет годами по режиму, как маленький солдат. Он все время в строю. Как это на нем сказывается?

Д.: Это абсолютно неадекватно его потребностям. Самая большая проблема группового ухода — в отсутствие подстройки под конкретного ребенка. Дома, даже в бедной семье, есть выбор: хочешь водички или компотик, не нравятся шерстяные варежки, давай найдем другие. Каждый раз маленький ежедневный выбор и подстройка под человека формируют его. И, оказывается, даже небольшое изменение этого алгоритма способно влиять на ребенка. Болгарские исследователи выяснили, что перспективы развития в будущем у ребенка зависят в том числе и от того, в каком месте в спальне детского дома стоит его кровать. Чем ближе к окну, тем хуже. Потому что нянечка, скорее всего, к окну не дойдет и на руки не возьмет. Ее по ходу отвлечет другой ребенок.

М.: Иногда мы приходим в новый дом ребенка, где еще не были. И практически всегда наблюдаем одну картину. Все детки в группе маленькие, худенькие, как будто кто-то их обворовывает (хотя это не так), и среди них один такого же возраста, но на голову выше, сильнее, и речь у него есть. И это всегда оказывается ребенок, которого изъяли из семьи. А изымают из семьи в крайних ситуациях. Но даже выдернутый из

неблагополучия, этот ребенок разительно отличается от остальных, потому что там были индивидуальные отношения. Он на год старше выглядит.

— Почти всегда в сообщениях о том, что где-то приемные родители не справились и отдали ребенка обратно в детдом, проскальзывает негативное отношение к этим людям. Считается, что если уж усыновил ребенка, то обязан дать ему счастливую жизнь любой ценой.

М.: Мы спрашивали и политиков, и социальных работников: «А что делается, чтобы семью поддержать?» Поначалу вообще наш вопрос вызывал недоумение. А зачем, мол, благополучной семье еще и помощь? Денег дадим, и хорошо. На сегодняшний день было много сделано для того, чтобы готовить родителей к усыновлению. Но этого недостаточно.

Д.: Готовить семью к появлению в ней приемного ребенка надо, но нельзя сделать из родителей профессионалов — медиков, педагогов и психологов в одном лице. Эффективнее дать профессиональное сопровождение — медиков, психологов. Семье нужно помочь индивидуально подстроиться под ребенка, а не обвинять родителей, что они не справляются с ребенком. По данным Фонда поддержки детей в трудной жизненной ситуации, в 2009 году количество детей, которых брали в замещающие семьи, приблизительно совпадает с количеством возвратов ребенка. Родители не справляются, боятся обратиться за помощью, так как рискуют услышать отповедь: «Вы набрали детей за деньги. Это теперь проблемы вашей семьи». Это жутко оскорбительно для семьи.

— Вы пытались выносить эту тему на государственный уровень?

Д.: Мы писали бесконечные бумаги для Госдумы, для Совета Федерации. Всё безрезультатно.

Каждый раз, когда СМИ освещает какой-нибудь скандал с приемным ребенком, я жду, что в сюжете появится психолог и прокомментирует, а что такого было с ребенком, что мать так отреагировала? Почему, когда он ходил в детдоме строем, он был как все, и его единственный диагноз был «плоскостопие»? Почему, попав в семью, он начал срываться?

М.: Причины могут быть самые разные. Бывает, у усыновленного ребенка настолько высок уровень тревоги, что у него вообще месяцами будут сохраняться серьезные нарушения сна. Ведь в доме ребенка его укладывала одна воспитательница, а утром будила уже другая, пришедшая к ней на смену. Он будет думать, что его новая мама тоже может исчезнуть, и когда он проснется, то больше никогда ее не увидит... И мы встречали ситуации, когда мама была готова отдать ребенка обратно, потому что почти год не могла нормально заснуть: ребенок постоянно ее контролировал и проверял, а не уйдет ли она.

— Что испытывает ребенок, которого несправившиеся родители все-таки вернули в детский дом?

М.: Это невероятный эмоциональный и физический стресс, огромный ущерб самооценке, потеря доверия к людям.

— Почему идея детских домов вообще так популярна в России?

М.: Вообще дома ребенка и детские дома не российское и не советское изобретение. Они были во всех странах. Россия же долго была патриархальной страной с расширенной семьей: мамы, папы, бабушки жили под одной крышей, было кому присмотреть. Индустриализация началась резко, потоки людей ехали на стройки, где некому было сидеть с дитем. Женщины стали часто рожать без мужа. Количество брошенных детей резко выросло. Строительство детдомов давало таким детям возможность выжить. И только в 40-х годах прошлого столетия стали появляться исследования о том, что детдома плохо влияют на развитие ребенка: их кормят, пытаются развивать, а дети, особенно малыши, развиваются очень плохо и чаще умирают.

Д.: Ну а потом Советский Союз внес свою лепту. Создание системы детских домов в СССР совпало с идеологией коллективного воспитания. Вторая беда — полная изоляция советских ученых от профессионального сообщества других стран. В Советском Союзе детей вообще запретили оценивать специалистам: получалось, что у рабочих дети менее развиты, чем у интеллигентов. Что было естественно, но идейно недопустимо.

Нужно четко понимать, что абсолютно избавиться от детских домов невозможно. Есть подростки с серьезными поведенческими нарушениями. Вторая группа — это дети с глубокими нарушениями, которые нуждаются в специализированном уходе. Вообще у нас проблемы усыновления и детских домов общество рассматривает

только с точки зрения гуманистического и финансового. А это кроме всего еще и очень серьезный медицинский вопрос. Лечить дизентерию в России, случись где-нибудь эпидемия, будут антибиотиком, по международному стандарту. Причем все будут понимать, что от невылеченной дизентерии столько-то процентов умрет, столько-то вылечится. Ребенок, помещенный в детдом с рождения, страдает физически так же, как и от любой другой болезни, его состояние — это медицинский диагноз. При этом лекарства, кроме перевода в семейную форму жизнеустройства, нет. Чтобы изменить политику государства относительно детей-сирот, нужно прежде всего понять этот научный факт.

Автор: Артур Скальский © Новая газета ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 👁 3174 29.01.2013, 11:55 📌 386
URL: <https://babr24.com/?ADE=111727> Bytes: 16688 / 16261 Версия для печати

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

Прислать свою новость

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)